

Пруссия... Откуда она взялась?

Коронация

Бранденбургский курфюрст Фридрих III был недоволен. Вокруг все становились королями: на польском троне воссел добрый знакомец, курфюрст Саксонский, на английском — прямой родственник, курфюрст Ганноверский... Быть курфюрстом в Бранденбурге — это, конечно, хорошо, выборы давно уже превратились в пустую формальность, всем заправляют ставленники Габсбургов, а император сидит в Вене и чуть ли не помыкает делами курфюршества. С королём бы он так не обращался...

Но стать королём Бранденбургским? Пустое дело, ничего не меняет. Курфюрст ли, король ли Бранденбурга, — он, Фридрих, остается вассалом императора. Католика. Врага протестантов. Это ведь они, Габсбурги, начали Тридцатилетнюю войну и разорили все протестантские земли! Искоренить возжелали правую веру! Не вышло. Пять десятков лет живем в спокойном мире, они утихли вроде бы, — но нет, при случае всегда дают понять, кто защитник веры, а кто отщепенец... Добрые протестанты, король шведский, король датский уже не те... Совсем обессилели... А саксонский курфюрст ради польской короны перешел в католичество! Тьфу!... Слов нет, своих протестантов не прижимает, ему до них и дел-то особых нет, он Цвингер обустроивает, он Дрезден хочет в маленький Париж превратить! Ах, Париж, Париж!.. Курфюрстина только им и бредит, что ни год, по три месяца в Версале веселится... А ему, курфюрсту, Всевышним поручено быть здесь, в Берлине, последним защитником лютеран в Европе... Пасторов в Кёнигсбергском университете готовить...

Стоп! Кёнигсберг! Имя-то какое! И он хорош: в раздражении совсем запамятовал, что ведь герцог он Прусский! А Пруссия к императору не имеет никакого отношения. Никакого. И от короля Пруссии император не может требовать подчинения, — просить, просить обязан, доброго согласия добиваться!

Таковыми или другими подобными мыслями был охвачен курфюрст, — кто знает? Но совершенно точно знаем мы другое: он обратился к императору Леопольду со смиренной просьбой разрешить короноваться прусской короной. Советники императора старались, как могли, этому помешать. Они очень хорошо понимали, что независимый король в конце концов уведёт Бранденбург из-под императорской, по сути австрийской власти. Но Леопольд только хмыкал раздраженно. Война за испанское наследство требовала денег и солдат, а курфюрст Бранденбургский как бы невзначай обмолвился в просьбе, что императорские заботы ему очень близки, — вот только отпразднует коронацию, и тут же отправит тридцать тысяч солдат.

Леопольд прогнал советников прочь и уступил.

В Берлин императорский рескрипт пришел в самом начале декабря 1700 года, и семнадцатого числа Фридрих со всей семьёй и двором отправился в Кёнигсберг. Зимы были тогда не нынешние, стояли жестокие морозы, но они не пугали будущего короля. Через двенадцать дней обоз из тысячи восьмисот карет и повозок достиг столицы герцогства Пруссия.

Страна на востоке

Много веков назад на побережье Балтийского моря, от Вислы на восток, жили племена веков назад на побережье Балтийского моря, от Вислы на восток, жили племена пруссов и литвинов (литовцев). Литвины создали в конце концов своё мощное государство, такое мощное, что тогдашние польские князья очень с ним считались. А пруссы никакого государства не создали, и поляки старались их взять, как говорится, в орбиту своего влияния. Однако язычники-пруссы не хотели быть под властью католиков-поляков.

Чтобы покорить пруссов и обратить в христианство, польский князь Конрад Мазовецкий в 1226 году обозначил границы «Польской Пруссии» и позвал сюда рыцарей Германского Ордена — или, как полностью они назывались, *Германских братьев Иерусалимского храма Святой Девы Марии*. В Иерусалим братья-

рыцари пришли из Германии в 1192 году, во время третьего крестового похода. Они носили кресты на своих плащах, щитах, знаменах, и в прусских землях их называли крестоносцами. А вообще-то они принадлежали к монашескому ордену госпитальеров и, говоря по нынешнему, обеспечивали медицинское обслуживание участников крестового похода. Свою резиденцию Великий Магистр ордена устроил на Сицилии, в Палермо.

На южном же побережье Балтики рыцари занялись тем, ради чего их пригласили. Вместе с польскими князьями приводили в покорность пруссов, а для себя строили замки и города — Мариенбург (по-польски Мальборк), Кёнигсберг (теперь Калининград) и множество других.

А еще восточнее пруссов, на юго-западе нынешней Эстонии и севере нынешней Латвии, была Ливония, заселенная вольными языческими племенами ливов (отсюда и название), эстов и летгалов. Германские купцы приплывали с Готланда и вели с язычниками меновую торговлю. Деньги аборигенам были совершенно ни к чему. Обитатели Ливонии не знали ни князей, ни императоров, — только старейшин, да в случае войны выбирали военачальника. Не было у них и письменности. Всё, что мы знаем о тех временах, известно из летописей датчан, шведов и немцев.

С благословения бременского архиепископа германские миссионеры занялись обращением ливов и эстов в христианство. Весной 1201 года молодой немецкий епископ Альберт фон Буксгевден основал город Ригу и сделал его опорным пунктом движения католичества на восток. Год спустя епископ создал духовно-рыцарский *Орден Меченосцев*, или *Ливонский Орден*. Рыцари называли друг друга братьями, давали обет никогда не жениться и всеми силами распространять Слово Божье.

Окрестные владыки приветствовали приход рыцарей. Славянский князь Владимир, сидевший в Полоцке, помогал, как мог, рижскому епископу. Их союз окончательно закрепился, когда Альберт фон Буксгевден женил своего брата на дочери Владимира. Германский император Генрих II Оттон по просьбе Альберта формально присоединил Ливонию в 1207 году к своей империи, сделал епископа своим вассалом, а землю — императорской.

Меченосцы покоряли Ливонию почти двадцать лет. Особенно крепко отбивались эсты. С севера на них давили шведы, но шведский король Иоанн I потерпел в Эстляндии полное поражение. Датский король Вальдемар II построил, правда, на эстонском берегу крепость Ревель (ныне Таллинн), однако и его эсты разбили, даже взяли в плен.

Только недолгой была их независимость. Сопrotивляться такой мощной военной организации, какой был Ливонский Орден, они не смогли. Через пять лет весь юг Эстляндии, то есть северная Ливония, подпал под власть рыцарей. Датчане захватили север. Но спустя столетие, потерпев несколько поражений от восставших эстов, датский король Вальдемар IV продал в 1346 году непокорную землю рыцарям.

Так вся Эстляндия оказалась орденским владением.

А сам Ливонский Орден в 1237 году стал младшим партнером Германского Ордена, или Тевтонского, — потому что *тевтонами* римляне именовали вообще германские племена. Всех немецких рыцарей в балтийских (то есть остзейских) землях с тех пор называли одинаково тевтонцами и крестоносцами. Но мы должны, конечно, помнить о различии между Ливонским и Германским Орденами, потому что исторические их судьбы были разными.

В 1241 году вместе с поляками крестоносцы разбили в битве под силезским городом Лигницем татаро-монгольское войско Бату-хана, остановили его движение в северные области Европы. За военную помощь польский король отдал крестоносцам города Позен (ныне Познань), Гнезен (Гнезно) и Калиш.

Но постепенно рыцари на прусских землях вышли из-под контроля польских королей. В союзе с Орденом Меченосцев образовалось независимое рыцарско-монашеское государство Великая Пруссия, которое в начале XIV века стало занимать громадную территорию: от Новгородской республики на востоке до Германской империи на западе, от острова Готланд на севере до Великого княжества Литовского и королевства Польского на юге.

...Шло время, Великая Пруссия слабела. Особенно чувствительным было для неё поражение 1410 года под Грюнвальдом, где рыцари были разбиты соединенными силами литвинов, поляков и русских. В конце XV века она распалась на несколько частей, постепенно все больше и больше раздробляясь. Появилось самостоятельное государство под тем же названием *Ливонский орден* со столицей в Риге. Потом оно превратилось в Курляндское герцогство и стало вассалом Польши. Северная же территория с Таллинном отдалась добровольно шведскому королю Эрику XIV.

Принадлежавшие Германскому Ордену земли бывшей Великой Пруссии распались тоже. Их западная территория отошла к Польской короне под названием «Королевская Пруссия» — *Прусы Крулевски*.

И то, что смог сохранить в своем владении Германский Орден, по мирному Торуньскому договору 1466 года оказалось в вассальной зависимости от Польского королевства и обозначалось на польских картах как «Княжеская Пруссия» — *Прусы Ксянжече*.

Вассальная присяга Альбрехта

Когда умер в 1510 году саксонский герцог, Великий Магистр Ордена, на это место избрали двадцатилетнего Альбрехта Гогенцоллерна — сына маркграфа Ансбахского.

Мать Альбрехта, Зофья Ягеллонка, была сестрой тогдашнего польского короля Сигизмунда I Старого (1467-1548). Рыцари Ордена очень надеялись, что король не станет требовать от племянника ни вассальной присяги, ни уплаты налогов. Альбрехт и попытался было ничего не платить и присяги не давать. Однако Сигизмунд был настроен серьезно и начал в 1519 году войну, чтобы заставить Великого магистра и его рыцарей признать права Польши.

Военные действия закончились перемирием на четыре года. Сигизмунд посоветовал Альбрехту крепко подумать, а тот и без советов ясно видел: сопротивляться у Ордена сил уже нет. Что делать? Как поступить? Альбрехт отправился на родину, в Нюрнберг. Там ничего дельного ему, увы, никто не предложил.

Тут надо сказать, что Альбрехт, будучи католиком (человека иного вероисповедания прусские рыцари никогда не пригласили бы в Великие Магистры), заинтересовался учением обновителя церкви Мартина Лютера и не препятствовал проповедовать лютеранство в землях Ордена.

Поэтому, возвращаясь из Нюрнберга, Альбрехт завернул в Виттенберг к Лютеру и спросил совета. Лютер сказал, что самое лучшее для церковного государства, каким является Орден, — это стать светским. А самое лучшее для Альбрехта — это жениться.

Великий магистр так и поступил. Германский Орден распустил, монашеские обеты с рыцарей снял, сам же принял святое причастие по протестантскому обряду. И всеми силами стал распространять в Пруссии протестантство. Орден прекратил свое существование в 1525 году, и Альбрехт принес 10 апреля вассальную присягу королю Сигизмунду в столичном польском городе Кракове, получил сан ленного герцога Прусского.

Присяга была обставлена очень торжественно.

На рыночной площади построили по этому случаю возвышение. Там сидел на троне Сигизмунд с короной на голове, в расшитой золотом и украшенной драгоценными камнями и жемчугом мантии. Рядом стояли архиепископы и епископы, воеводы, за ними другие высшие светские и духовные сановники, бургомистры, рыцари и дворяне. За порядком следили две тысячи вооруженных воинов в блестящих латах.

Великий Магистр остановил коня перед возвышением, спешил и, стоя, обратился к Сигизмунду с просьбой возвести его в герцогский сан и отдать ему в ленное владение Прусские земли.

Один из высших чинов королевства, подканцлер Петр Томицкий, принял из рук короля хоругвь — особого рода знамя, и инвеституру — грамоту, после чего передал эти символы власти Альбрехту. Тот поблагодарил короля за милость, встал перед ним на колени.

И тогда Сигизмунд собственноручно вручил ему особое *ленное* знамя из белого шелка с вышитым черным орлом. У орла были золоченые крылья, золотые шпоры и золотая цепь на шее. А на груди сверкала золотая буква S — знак власти Сигизмунда.

Король сказал: «Мы, король Сигизмунд, соглашаемся на Вашу, достойный герцог, и Ваших подданных просьбу и передаем Вам во владение земли, города, местечки и замки в Пруссии, что и подтверждаем вот этим знаменем. И надеемся что ты, дорогой племянник, будешь всегда с благодарностью вспоминать о нашей к тебе любви и расположении».

На коленях у Сигизмунда лежало Евангелие. Альбрехт положил два пальца на книгу и произнес слова присяги:

«Я, Альбрехт, пруссов штеттинских и померанских, кашубов, славян и других племен герцог, бург-граф Нюрнбергский и Риги владетель, во имя Бога Всемогущего клянусь и присягаю, что вместе с подданными моими, духовными и светскими, буду с этой минуты навечно слугой верным, кротким, честным и послушным моему милостивому господину Сигизмунду, королю польскому, и его потомкам, и всей Короне

Польской, и вести себя так буду, как поступать доброму ленному герцогу пристало, то есть договору и всему в нем записанному согласно. Да поможет мне Бог и Святое Евангелие!»

Сигизмунд взял в руки государственный меч *щербец* и посвятил Альбрехта в рыцари, троекратно ударяя его плашмя по плечу и каждый раз произнося ритуальную формулу: *Терпи эти удары, и ни одним больше! А потом надел ему на шею золотую цепь.*

Сопровождавших Альбрехта князей и множество польских и прусских дворян тоже посвятили в рыцари. Церемония закончилась молитвой в кафедральном соборе. И начался королевский пир.

При расставании Альбрехт получил богатые подарки. Король назначил ему *юргельт* — ежегодное жалованье в 4.000 золотых червонцев. Он полагал, что Альбрехт останется в католичестве, но герцог принялся распространять в Пруссии лютеранство, особенно после женитьбы на датской королеве Доротее, исповедовавшей эту религию. И чтобы иметь образованных пасторов, открыл в 1544 году в Кёнигсберге университет.

Альбрехт хотел обратить в протестантство даже Польшу, всё пытался убедить Сигизмунда, каким благом станет переход в новую религию, независимую от Римского папы.

Король просьбам не внял, но добрым отношениям протестантского герцогства Прусского с католической Польшей это не повредило.

Герцог умер в 1568 году на рассвете в местечке Тапев. Получив печальное известие, в тот же день вечером скончалась в Кёнигсберге его вторая жена герцогиня Анна.

Наследники слабоумного герцога

Титул ленного герцога наследовал пятнадцатилетний сын покойного, Альбрехт-Фридрих. Члены правящего совета герцогства обращались с мальчиком так, что он заболел и помутился рассудком.

Польским королём был тогда Стефан Баторий. Он поступил благородно: не стал отбирать герцогство под свою власть, а назначил опекуном несчастного юноши его родственника и наследника — маркграфа Георга-Фридриха Ансбахского, из того же рода Гогенцоллернов.

После этого известия все Гогенцоллерны, в том числе и опекун-маркграф, приехали в город Геру. Они заключили договор о том, что Пруссия всегда будет принадлежать только Бранденбургским курфюрстам: им надлежит добиваться от польских королей ленного права на Пруссию.

И когда маркграф умер в 1603 году бездетным, опекунство над слабоумным герцогом Прусским в силу договора перешло к курфюрсту Иоахиму-Фридриху.

Он был весьма дальновиден. Хотя, ещё будучи наследным принцем, женил в 1594 году своего сына Иоганна-Сигизмунда на старшей дочери слабоумного герцога Анне, для гарантии наследования вступил как опекун в брак с младшей герцогской дочерью, 20-летней Элеонорой. Разница в годах не смущала пятидесятилетнего Иоахима-Фридриха, пусть по тем временам его полагали глубоким стариком.

Принц-наследник Иоганн-Сигизмунд находился в Польше, когда из Берлина прискакал гонец: умер курфюрст Иоахим-Фридрих. Казалось бы, сыну надо спешить в Бранденбург. Но слишком ценна была Пруссия, слишком опасно было ее потерять. Земля принадлежала польской короне, герцогство было отдано в *лен* — то есть из королевской милости. Входил в силу *ленный договор* только после утверждения польским сеймом...

А на польском сейме могло быть всяко. Особенно учитывая знаменитое право «свободного запрета» — *liberum veto*, по которому сорвать любое постановление был способен каждый шляхтич, завопивший на всё собрание: «Не позволю!!!»

Словом, новый курфюрст на похороны не поехал. Три года просидел в Польше, вел долгую и искусную дипломатию, чтобы подтвердить, а потом и изменить в свою пользу статус опекуна. Интриговать же требовалось и против польских шляхтичей, и против прусского дворянства, которое за прошедшие века совсем позабыло германскую дисциплинированность и крайне возлюбило польскую вольницу. Грамоту на опеку вручил курфюрсту польский король Зигмунт III Ваза в 1609 году.

А через два года на варшавском сейме Иоганн-Сигизмунд получил для себя и всех своих потомков право быть ленными герцогами Прусскими и платить дань польской короне. Ленная присяга состоялась по

старинному, известному нам обычаю. А сколько денег ушло на подкуп сенаторов, и не сосчитать... Герцогство Пруссия стала наследственным владением Гогенцоллернов. Но заметьте — вовсе не частью Бранденбургского курфюршества!

Государь приехал из университета

После смерти Иоганна-Сигизмунда новый бранденбургский курфюрст Георг-Вильгельм отправил своего 14-летнего сына Фридриха-Вильгельма подальше от Тридцатилетней войны, в Голландию, к ее правителю и своему родственнику, известному полководцу Фридриху-Генриху Оранскому. Принц-наследник четыре года изучал в Лейденском университете право, историю и политику.

Отец умер 1 декабря 1640 г., принц стал бранденбургским курфюрстом Фридрихом-Вильгельмом I, будущим Великим Курфюрстом. Год спустя в Варшаве его торжественно провозгласили ленным герцогом Пруссией. Обряд присяги польской короне, нам известный, соблюдался строго. Но, вернувшись в Берлин, курфюрст все время думал, как покончить со своим малоприятным положением вассала польского короля.

Случай представился в 1655 году: началась очередная шведско-польская война.

Шведы пошли в Польшу старым путем — по Бранденбургским землям. Подобно отцу, курфюрст решил сохранять нейтралитет. Хотя у него уже была 26-тысячная армия с 72 пушками, спорить со шведами он еще не решался. К тому же обе враждующие стороны, и Швеция, и Польша, делали ему всяческие выгодные предложения. И так как он был не столько большой полководец, сколько великий политик, он решил вести двойную игру.

Дождлся, когда значительные территории Польши оказались захвачены шведами, и заключил с их королем Карлом X договор о союзе. Да не только о союзе — о вассальном подчинении герцогства Пруссия шведскому монарху. Признав себя ленным герцогом, Великий Курфюрст предотвратил вторжение в прусские земли. Более того, получил от короля Карла еще один лен — Вармийское епископство, когда-то принадлежавшее крестоносцам. Король обещал подарить четыре польских воеводства — только чтобы курфюрст в полной мере исполнял свои вассальные обязательства.

Бранденбургские войска участвовали в большом сражении под Варшавой 28-30 июля 1656 года и в ее взятии, но Великий Курфюрст старался не допустить разгрома Польши. Ведь усиление Швеции вовсе не входило в его планы! Со свойственной ему дипломатичностью он ушел от дальнейших битв на стороне Карла X. Тем временем поляки собрались с силами. Военное счастье от шведов отвернулось.

В этих обстоятельствах шведский король очень дорожил дружбой курфюрста. И подписал с ним 20 ноября 1656 года новый договор — о полной независимости герцогства Пруссия от кого бы то ни было. Конечно, этот договор для Польши ничего не означал.

Поэтому Великий Курфюрст, он же герцог Пруссии, тут же повел тайные переговоры с Польшей! Они завершились в 1657 году, и шведский король с изумлением узнал о потере союзника. Договор с бывшими противниками-поляками принес Великому Курфюрсту полную суверенную власть над Пруссией. Плюс 120 тысяч талеров, которые они согласились заплатить в возмещение его военных издержек.

Любые войны заканчиваются, закончилась Оливским миром (1660) и польско-шведская. Права Бранденбурга на Пруссию были подтверждены теперь уже многосторонним международным договором..

Он очень не понравился ни прусскому дворянству, ни горожанам. Все считали, что Польша не имела права так поступить без их согласия. Бранденбургский государь был известен своей непреклонностью.

Столичный Кёнигсберг просто кипел, отказываясь присягать! Во главе недовольных там стоял Иероним Роде. А спустя несколько лет (в 1668 году) дворянин фон Калькштейн прибежал к польскому королю просить помощи для восстания. Он говорил, что пруссаки хотя и немцы в большинстве, но только и мечтают вернуться под власть Польши. Курфюрст требовал выдать мятежника. Польский король отмалчивался. Тогда фон Калькштейна хитростью заманили в Мемель, где он и расстался с жизнью. Великий Курфюрст был человек суровый. В конце концов все мятежные выступления были пресечены. Права и привилегии местных самоуправлений курфюрст сильно ограничил. Действовал без поспешности, но упорно. Кстати, не только в Пруссии, но и в родных бранденбургских землях.

В том же 1660 году Великий Курфюрст сделал совершенно необычный для того времени (да и для нынешнего) шаг. Он объявил указом, вошедшим в историю как Потсдамский эдикт, что на его землях могут селиться все, кто захочет. Даже бродячие солдаты-наемники, даже преступники, если, конечно, они хотят начать честную жизнь. Что принимает в подданство всех, а какую религию они исповедуют, это их дело.

Вот где корни открытости Германии для приюта беженцев и преследуемых!

И в Бранденбург потянулись десятки тысяч протестантов – голландцев и французов, которым на родине не было жизни из-за их религиозных убеждений. Своим указом Великий Курфюрст даровал им всевозможные привилегии и льготы, бесплатный прием в цехи, освободил на десять лет от налогов.

Нашли приют в Берлине изгнанные из Вены евреи, 1671 человек. Великий Курфюрст пригласил эти семьи, ставшие потом своеобразной еврейской аристократией, в свои владения. Особым указом гарантировал им защиту, право заниматься торговлей, разрешил поступать в высшие учебные заведения. Правда, богослужения в синагоге не разрешил, – только в домашней обстановке. Другими указами подобные права даровал евреям, пришедшим из Польши, Гамбурга, разных германских земель.

Голландцы создали в Бранденбургском курфюршестве систему водоотводных каналов, осушили болота, ввели новые приемы скотоводства и огородничества, оказали большое влияние на архитектуру. Французы, которых только в Берлине было до 6 тысяч, открыли шелковые и шерстяные мануфактуры, наладили производство зеркал и свечей. Появились крупные торговые дома.

Морской флот Бранденбурга вышел на океанские просторы: колонисты в 1683 году высадились в Гвинее, основали там город Гросс-Фридрихсбург и принялись осваивать африканскую территорию. В Балтийском же море бранденбургские корабли занялись каперством — грабили шведские торговые суда.

Государственный доход Бранденбурга возрос с 40.000 талеров до полутора миллионов! Великий Курфюрст был бережлив, умел собирать налоги, обложил акцизными сборами все товары житейского обихода.

Почувствовав вкус к большой политике, он старался играть в Европе более значительную роль. Делал это со свойственной ему прагматичностью.

Так, вступив в войну против Франции на стороне императора Священной Империи и увидев, что толку от императорских войск мало, помирился с французским королем Людовиком XIV. В результате все земли Великого Курфюрста, захваченные в этой войне французами, — Клеве и другие территории — были ему возвращены.

Но, вспомнив польско-шведский опыт, Великий Курфюрст буквально через год снова вступил в союз со своим императором. Против Франции, разумеется. Король Людовик XIV, узнав о вероломстве, потребовал от союзников-шведов действий против изменника.

И опять, как когда-то, шведская армия под командованием генерала Врангеля вступила на бранденбургскую территорию и двинулась к Берлину. Солдаты вели себя крайне жестоко, оставляли позади лишь руины и пожарища. Они рассчитывали без особого труда крепко наказать немцев. Но времена были уже иными. Срочно выступив из Магдебурга, где он находился, Великий Курфюрст нанес шведам 28 июня 1675 года разгромный удар под Фербеллином, в нескольких десятках километров от Берлина. И вот ирония судьбы: отличной воинской подготовкой бранденбургские войска были обязаны своим учителям — приглашенным в свое время шведским офицерам...

Объявил Швецию своим врагом и император. К его войскам присоединились армии Нидерландов, Испании и Дании. Так что к декабрю шведская власть на землях Германской империи кончилась.

Наконец-то настоящий король!

Мы оставили курфюрста Фридриха III на въезде в Кёнигсберг. А там его встречала огромная толпа подданных. Всем уже было известно, какое необыкновенное событие состоится в их древнем городе: на главной площади устраивались два фонтана, из которых в день коронации польется вино!

Торжество состоялось 18 января, в восемь утра.

В огромном дворцовом рыцарском зале курфюрст короновал сам себя, возложив обеими руками на голову корону. Он был необыкновенно внушителен в своем красном камзоле, с пурпурной мантией на плечах, и

придворные от души возглашали ему здравицы. А народ на улицах неистовствовал: такого пиршества никто еще и никогда не задавал. На вертелех жарилось все, что могло жариться, а вечером был устроен грандиозный фейерверк. Конечно, нашлись и такие, которые потихоньку ехидничали насчет того, что самокоронавание — жест не самого лучшего тона. Они забыли, что именно так в 1229 году в Иерусалиме возвел себя в императорское достоинство Фридрих II, новоизбранный кайзер Священной империи германской нации...

Но как бы там ни было, а корона прочно покоилась на голове курфюрста, и теперь он в сознании полного права короновал свою супругу Софию-Шарлотту, которой страшно наскучила вся эта церемония.

Король Фридрих I возвращался в Берлин из Кёнигсберга два месяца. Подданные на всем пути устраивали пышные празднества, стараясь перещеголять друг друга. Они знали, что новый король любит роскошь и веселье.

А тому для покрытия своих чудовищных трат пришлось ввести новый налог — коронационный. Но, в конце концов, добыча стоила того.

Подобно отцу, Фридрих III... виноват, уже Фридрих I, всегда имел на мысли рост величия и мощи государства. Но если Великий Курфюрст добивался этого заботой об армии, об удобных дорогах и вообще путях сообщения, об искоренении разбоев, то новый король шел к своей цели иным способом: подражал Франции и королю Людовику XIV. «Сегодня у нас все должно быть французским: французский язык, французская одежда, французская кухня, французские танцы, французская музыка и французская болезнь», — писал иронически немецкий журналист в 1689 году.

Хотя, правду сказать, новый король, несмотря на все слабости, был человеком умным и деловым. Так, он никогда не забывал, что является ближайшим наследником английского монарха Вильгельма III. И едва этот бездетный государь умер, Фридрих, тогда еще только курфюрст, принял титул принца Оранского и ввел свои войска в графства Линген и Мёрс, чтобы те не достались другим наследникам. Приобрел к своим землям город Эльбинг (ныне Эльблонг в Польше): его кто-то оставил его отцу в залог, а денег не вернул. Графство Текленбург купил у графа Сомс-Браунфельса за 300 тысяч талеров, а область Петерсберг, да еще города Нордхаузен и Кведлинбург — у курфюрста Саксонского за 340 тысяч талеров. И многие другие земли то получал в наследство, то присоединял в силу родственных связей.

Откуда же брались деньги? Немалая часть появилась потому, что король продолжал политику своего великого отца. Фридрих принимал и приглашал отовсюду эмигрантов и беженцев. Даже издал книгу о выгоде селиться в его владениях. Форму выбрал удачную, доходчивую: вопросы и ответы. Так что мастеровые, крестьяне, торговцы, ученые, архитекторы, художники шли в Бранденбург со всех концов Европы — из Пфальца, Берна, Цюриха, Праги, Зальцбурга и других мест... Пришедшие с берегов Рейна пфальцские беженцы заселили Магдебург, крайне обезлюдевший после Тридцатилетней войны и разразившейся чумы...

На деньги Фридриха III открылся в 1694 году университет в Галле, в 1699 — Академия искусств в Берлине, а еще год спустя — Бранденбургское научное общество (впоследствии Прусская Академия наук), первым президентом которого стал великий Лейбниц, разносторонняя ученость которого была необыкновенной.

А вот с королевским титулом история получилась щекотливая и не такая простая, как поначалу казалось. Титул Фридриха I звучал странно, если не сказать иронично: не прусский король (*König von Preußen*), а только «король в Пруссии» (*König in Preußen*). Крошечным различием — **in** вместо **von** — во всеуслышание подчеркивалось, что король не совсем настоящий.

И ведь, правда: император, разрешив королевский титул, формально не имел права этого делать, Пруссия находилась не в его владениях. Конечно, королевским саном мог наградить папа Римский, — однако лишь католика, курфюрст же был протестантом.

Никого не уважающие поляки в газетах и между собой называли бранденбургского курфюрста не королём (Rex), а «правлящим государем» и даже «корольком» (Regnant). Они ссылались на заключенный в 1657 году Велявский мир между Бранденбургом и Польшей, по которому земли герцогства считались собственностью польской короны. Собственностью, лишь милостиво отданной в правление курфюрсту Бранденбургскому и его потомкам — Гогенцоллернам. Более того, согласно статье шестой Велявского договора, Польша имела право вернуть Пруссию в свои границы, если династия Гогенцоллернов пресечется.

Так что по всем этим причинам королевское достоинство Фридриха некоторые государи признавать не торопились. Франция и Англия — до тысяча семьсот тринадцатого года, а Польша — так аж до тысяча семьсот шестьдесят четвертого...

Поляки понимали, что статья формальная, невыполнимая по существу (династия обширная, разветвленная, — какое уж там пресечение!), но долгое время, вплоть до Фридриха Великого, государственные чиновники Пруссии присягали сначала на верность Прусскому королю, а потом на верность королю Польши: вдруг случится присоединение?

* * *

Прусское королевство резко изменило политическую и религиозную карту Европы. У протестантов, преследуемых католиками, появился сильный покровитель — прусский король.

А примерно через полтора столетия окончательно сформировались две европейские империи: Германская, протестантов Гогенцоллернов, выросшая из Пруссии, и Австро-Венгерская, католиков Габсбургов.